

ТЫСЯЧИ «ПОЧЕМУ» И НЕСКОЛЬКО РАЗГАДОК

Загадка 1. Почему вьетнамские женщины часто одеваются так, что практически не оставляют открытых для посторонних глаз зон?

С первого дня знакомства с Вьетнамом мне не давала покоя тема женского «камуфляжа». Все местные женщины в сорокаградусную жару напоминали ходячие мумии. На ногах – носки, на бедрах – брюки, руки – в перчатках. Одежда – длинная до пят. Лицо закрыто балаклавой. На глазах – очки. Ничего живого, ни миллиметра кожного покрова. Сначала я подумал – религия. Сравнил с восточными паранджами, хиджабами, никабами, чадрами. Но ничего, кроме внутреннего противоречия, не нашел. Буддизм был далек от маскировки. Да и местные мужья не такие ревнивые и агрессивные. Потом подумал – экология. Пыль всякая. Смог. Затхлость. Но тогда было бы достаточно одной маски. Затем мне показалось, что это просто элемент мест-

ной эстетики. Но уж больно убого тогда она выглядела. В действительности же все оказалось, как всегда, куда проще. Вьетнамки просто боялись подставлять свое тело под лучи солнца. Светило считается врагом изящества, а загар оказался несовместимым с их представлением о красоте. Он является штампом, свидетельством каторжного труда. А признаваться в нем – удел глупых и бедных. Именно в этом и состоит природа женского вьетнамского аристократизма. Следует заметить, что примерно по этой же причине многие мужчины ухаживают за своими бородавками, ногтями или длинными волосами, растущими на лице. Иногда из какой-нибудь малоприметной родинки или взлелеянного прыщика выползают такие «вермишели», что хочется кричать SOS и поделиться последним одноразовым станком. Но, как говорится, в чужой монастырь со своей бритвой не ходят. У вьетнамцев свое представление о счастье. И растут они такие спагетти не для того, чтобы вызвать сочувствие, а для того, чтобы подчеркнуть свой... благородный статус и, соответственно, свое отношение к неквалифицированному труду. Он – не грузчик, не многостаночник, не какой-нибудь швей-моторист (иначе заматало бы хозяина с таким «богатством» на лице по вальцам и валикам), а благородный хранитель разросшегося производного эпидермиса. Ни больше ни меньше.

Загадка 2. Почему у женщин во многих вьетнамских деревнях черные зубы?

Если вам придется общаться в аутентичных деревенских условиях с местными женщинами, постарайтесь не пугаться их улы-

Часть III.

Начало в №№ 12/2018 и 1/2019

Философия пути

**ВЯЧЕСЛАВ НУРГАЛИЕВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ИЗ
ВЕРХНЕЙ АВСТРИИ, ПРОДОЛЖАЕТ РАССКАЗЫВАТЬ О СВОЕЙ
ЭКСПЕДИЦИИ ДЛИНОЙ В ГОД.**

бок. Не стесняясь показаться невежливыми, они по любому поводу пытаются продемонстрировать свои черные зубы. Глядя на них, создается устойчивое ощущение, что вся женская половина деревни является жертвой некой пародонтозной эпидемии. Словно рты поселенок пострадали на пожаре, зубы сгорели и превратились в угли. На самом деле это далеко не так. Вьетнамки (особенно в деревнях) часто покрывают зубы черным лаком, желая добиться совершенно обратного эффекта: защитить зубную эмаль от кариеса. Однако чтобы не разубеждать западных Колумбов в их метафизических заблуждениях (они ведь так любят заставить весь мир верить в какую-нибудь красивую чушь), на вопрос, зачем они покрывают черным лаком свои зубы, вьетнамки отвечают, что это спасает от слеза и порчи. Белые зубы, по их мнению, люди получили в дар от лукавого. Они являются доказательством того, что человек впустил в свою душу дьявола. Культурная же женщина не должна иметь ничего общего с бесами^[12].

То, что для одних красиво, для других может быть неэстетично. Но мнения, как и люди, со временем могут меняться. Так,

французский полковник Диде, живший во Вьетнаме полтора века назад и отличавшийся крайне категоричными взглядами на чернозубых красавиц, через двадцать лет своего пребывания в этой стране написал: «Приходит день, когда находишь женщину с блестящими черными зубами красивой...». Что делать? Приходит время.

Загадка 3. Почему пожилые вьетнамцы зарывают себя в прибрежный песок?

Бегал я как-то трусцой по берегу моря в сторону Бао Дао. Так вот, на одном из пляжей в районе Южного Нячанга увидел людей, закопанных по шею в мокрый песок, только головы торчали. Возраста эти головы были уже критического. Курортникам приходилось через них переступать, крабам перелезать. Головы же при этом не выражали никакого недовольства. Они вообще никаких эмоций не выражали. Если они куда и смотрели, то в небо, причем отрешенно. Но главным образом они спали. Странное поведение пенсионеров мне объяснил водитель десятиместного мопеда Фань. Он сказал, что они лечатся мокрым песком от старческого ревматизма и глупости, одновременно привыкая к смерти.

Загадка 4. Почему вьетнамцы практически не едят молочных продуктов?

Вьетнамцы не пьют молока. Объяснений этому множество. Одни считают преступлением обделять телят. Все сводится

к простой формуле: «Молоко отвратительно, потому как человек забирает еду у ребенка коровы». В современном мире существует и другое, научное объяснение этого феномена. С точки зрения биологов, организм вьетнамцев не приспособлен для правильного усвоения лактозы. Мне же кажутся неверными и невероятными обе точки зрения. В обеих есть что-то от прилизанного мифа. Не исключено, что вся эта молочная история имеет более простое объяснение. Во Вьетнаме до недавнего времени не было возможности долговременного хранения продуктов. Холодильники появились лишь несколько десятилетий назад, и не каждый вьетнамец даже сейчас может себе их позволить. Если мясо еще можно было засолить и на время упрятать в кустарный ледник, то с молоком эта схема не работала. Но это тоже только предположение. Вероятно, что во Вьетнаме просто не развита культура потребления

молочных продуктов. Ведь не едим же мы воробьев и тараканов, лягушек и змей. Каждому свое!

Загадка 5. О чем вьетнамцы пишут на придорожных скалах?

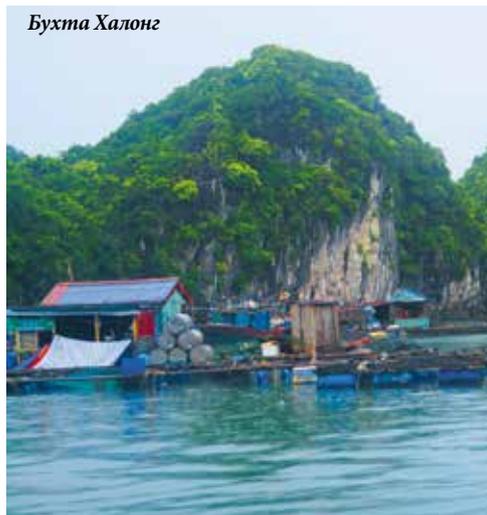
Однажды я ехал на мотобайке в сторону Камрани (военный аэропорт). По пути пробило колесо мопеда. Вариантов было немного. Или тащить «раненый» мопед по встречке в гору около 7 километров, или возвращаться в город к мастеру – 15 километров. В общем, или горы, или город, но при этом тащить все равно. Почти тотчас, заметив поломку, около меня остановился вьетнамец на скутере. Мужчина оказался очень отзывчивым человеком. Он сочувственно покачал головой, утешительно хлопнул меня по плечу, потом посмотрел наверх и стал рукой показывать на на-

скальные надписи, сделанные масляной краской. Там были изображены какие-то буквы и несколько цифр. Я не был силен во вьетнамском, и мне оставалось только догадываться о смысле наскальной надписи. Вьетнамец же все время что-то повторял как заклинание и постоянно пытался обратить мое внимание на изображенные позывные. Делал он это самоотверженно, убежденно, с каким-то набожным упоением. Именно эта эмоциональная составляющая его восторга окончательно убедила меня в том, что каменная фраза имела глубоко сакральное, скорее всего, даже религиозное значение. Вполне возможно, что речь шла о мантрах и их нумерациях в книге каких-нибудь сутр (по принципу оглавлений Корана или Библии. Например, Иезекииль 3, 23. Пс.136). Сам же вьетнамец, согласно этому предположению, был либо фанатичным миссионером буддизма, либо просто очень верующим человеком, который пытался уговорить меня на совместную молитву. Во благо устранения прокола и продолжения пути. Я уже готов был сложить руки в молитвенной позе, как вдруг вьетнамец достал мобильник и начал печатать на нем текст какого-то послания. «Странная система религиозных отношений», – подумал я. Потом этот праведник стал о чем-то живо говорить по телефону. Не иначе как с ангелом или самим пророком. Когда разговор закончился, вьетнамец показал мне десять пальцев и наручные часы. Может быть, он хотел тем самым подчеркнуть свое материальное превосходство, мол, «таких часов у меня целых десять штук, а у тебя и одних нет. Потому ты и стоишь с поломанным мопедом, а я еду дальше». С другой стороны, речь могла идти о десяти минутах, в течение которых должно было произойти чудо. После такой странной интермедии вьетнамец тепло пожал мне руку, опять обратил внимание на надпись на скале, показал на циферблат и был таков. Я опять остался один, удивляясь местным религиозным традициям и высоким отношениям с небесной канцелярией. Я все еще искал объяснения действиям странного самаритянина, как вскоре заметил, что около меня остановился еле живой мопед с еле живым человеком. В своих руках тот держал пакет из местного дискаунтера. В очередной раз указав на надпись на скале, ставшую для меня уже святой, он, видимо, решил похвалиться своими покупками. Однако из пакета он достал не помидоры с пряниками, а велосипедный насос, гаечный

ключ, отвертку и запасную камеру. Работу он начал немедленно. С ловкостью фокусника он лишал мотобайк болтов, винтов, глушителя, что-то скручивал, чем-то смазывал, как-то втягивал, куда-то запихивал и дул. В результате через четверть часа камера заднего колеса была заменена. Завершив ремонт, механик показал мне десять пальцев и свое портмоне. Этот ребус мне уже был под силу. На этот раз речь явно шла не о времени. Я вынул бумажник и с радостью отдал мастеру 10 долларов. От всего пережитого я уже готов был обратиться в буддизм, как вдруг маленький слесарь достал визитку и опять показал на скалу. Знаки были идентичны. Цифры тоже. Метафизика лопнула, как мыльный пузырь. На скале невзрачной краской было указано не что иное, как имя и телефонный номер ближайшей мастерской по ремонту двухколесных транспортных средств. У нас на придорожных скалах обычно оставляют информацию другого характера, как правило, более интимного, менее цензурного (обойдусь без примеров) и чаще хроникального, типа «Здесь был Федя», «Миша любит Машу». (Однажды мне даже посчастливилось увидеть надпись: «Дидро – козел»). Вьетнамцы же, как выяснилось, более избирательны в своих пиктограммах. Вот такая наскальная реклама по дороге в Камрань. Вот такой ангел с продуктовым пакетом из дисконтера.

Загадка 6. Почему люди живут на воде?

Будучи на севере Вьетнама, трудно отказать себе в удовольствии познакомиться с философией жизни на воде. Для этого надо обязательно посетить бухту Халонг (или

Бухта Халонг

Чалонг), которая находится в Тонкинском заливе Южно-Китайского моря. Она представляет собой мозаику островов разной величины, расположенных в шаговой доступности друг от друга. В заводях вода, как правило, спокойная. Может быть, именно это обстоятельство повлияло на то, что люди стали селиться не на континентальном берегу, а просто на воде – между причудливыми изваяниями скал, утесами и небольшими островами. Всего таких около трех тысяч. В заводях этих островов в настоящее время проживает около 1 500 человек. Люди в бухте обитают на воде в прямом смысле слова. На деревянных креплениях они оборудуют свое жилье, которое напоминает заброшенные сараи эпохи Москвошвея. Для их строительства в ход идут любые материалы: от рогожи до пенопласта. Небольшие хижинки «возводят» на плотках, которые при помощи якорей или наскальных канатов приобретают определенную статичность. На этих понтонах и проходит вся жизнь местного населения. Поначалу плавучие деревни кажутся произведением inferнальной кисти. В голове не укладывается, как человек может круглосуточно, ежемесячно и круглогодично отдавать себя на откуп морской воде. (Пресная вода здесь в дефиците, и ее развозят в пластиковых бочонках за определенную плату). Но когда начинаешь жить – я пробыл в таком поселении около двух недель, – меняешь точку отсчета и систему «стихийных» (от слова «стихия») координат. А почему

бы, собственно, и нет? Чем это, собственно, хуже? Просто по-другому.

Основным средством передвижения здесь являются каноэ и лодки «тхунг чай»^[3], эдакие круглые плетеные лодки, чем-то напоминающие наши глубокие тарелки. Только диву даешься, как «водожители» ориентируются в бухточках и заливах, запоминая, за какой скалой, за «какой водой» (перевод с вьетнамского) сосед вчера поставил сеть на тунца.

Несмотря на свое маргинальное положение, жители плавучих деревень вовсе не обделены государственным вниманием. На воде находят свое отражение и все элементы континентальной жизни. Здесь есть свои школы, медпункты, магазины. На понтонах работает даже местная полиция.

Когда вы проплываете мимо рыбацких хозяйств, вам приходится наблюдать всю жизнь деревни без прикрас. Людям, правда, тут нечего скрывать. Наоборот, они исполнены веры в некий социальный экспициционизм и, к удовольствию туристических фотокамер, ссорятся, мирятся, моются, стираются, просыпаются, засыпают и играют с собаками и рыбами. Страх перед землянами нет. Каждый понтон охраняют по несколько дворняг. Собачий лай – это постоянный рефрен местных халонгских деревень. Он сопровождает джонки, баржи, каноэ, долбленки, байдарки, утлые лодки, «тхунг чай», обычные плоты, скутеры, прогулочные катера – в общем, все самое интенсивное северо-вьетнамское судоходство. Люди на воде живут тем, что дает вода. Возле каждого дома полно садков, где халонгцы выращивают рыбу, угрей, креветок, раков, барракуд, черепах, омаров и прочую морскую экзотику. Многие же морские улицы служат, кроме того, и для производства жемчуга. На них разбивают участки размером в небольшие футбольные поля, которые разграничивают черными буйками. Эти буйки выполняют как межевую, так и производственную функции. Они удерживают сети, в которых выращиваются раковины, хранящие драгоценный жемчуг. Как и на берегу, на воде бойко идет торговля. На каждой третьей лодке – продавцы и офени. Предлагают напитки, пресную воду или вьетнамский перекус. Чтобы жить на воде, нужно иметь совершенно другое представление об этом мире. Такой быт предполагает наличие особенной философии и особого взгляда на жизнь.

Каким же должно быть сознание людей, годами живущих в таких деревнях? Каким причудливым должен казаться им весь мир? В этом есть что-то космическое. Ирреаль-

ное. Меняется не только действительность, меняется и восприятие жизни. Много о местной философии я узнал от рыбака Юня, который за небольшие донги^[14] сдал мне угол в своем плавучем хозяйстве. Именно ему я обязан тем, что сумел приблизиться к пониманию чувств и мыслей обитателей плавучих деревень. Именно он открыл для меня основные детали этого необыкновенного учения. В грубом виде вся философия укладывается в несколько утверждений, понимание которых позволяет получать удовольствие от жизни на воде. Вот их неполный перечень:

✓ Вода – безопасная система. Систему безопасности представляют в первую очередь горные породы островов и скалы. Они защищают залив от ветров и ураганов. Ни один шторм не страшен, когда рубежи охраняют эти каменные воины.

✓ Вода – эстетическая система. Закаты и восходы каждый день дарят глазам новые произведения искусства. Вид на воду успокаивает. Это сохраняет душу человека от тления.

✓ Вода – экологическая система. Воздух на воде чище. Нет пыли. Нет огромного количества теле-, радио-, интернет-волн, ЛЭПов и т. д. Вода, кроме того, имеет свойство дарить свежесть.

✓ Вода – оздоровляющая система. Жители Халонга не страдают такими заболеваниями, как пневмония, бронхит, артроз и даже остеомиелит и ревматизм. Вода дает более мягкую нагрузку на суставы и позвоночник, чем суша. Кроме того, в настоящее время почти научно доказано, что вибрация морских волн сообщает человеку прилив энергии. Ему остается только настроиться на нужную энергетическую волну.

✓ Вода – система здорового питания. В меню всегда свежие морепродукты: ни лишних калорий, ни истекшего срока годности.

✓ Вода – отлаженная финансовая система. Она дает возможность бюджетно и безбедно существовать. Море дает еду и деньги. Рыбу и морепродукты можно неплохо продавать землянам. К тому же море позволяет выращивать жемчуг. А это надежнее любой пенсионной инвестиции. На эти деньги можно не только приобрести достаточно пресной воды, но и купить небольшой катер.

✓ Вода – очищающая система. В понимании жителей Халонга она способствует, главным образом, очищению их сознания.

Нячанг

Текущая вода обладает свойством избавлять человека от ненужных эмоций и дурных мыслей.

✓ Вода – медитативная система. Глубина под ногами создает ощущение зыбкости, хрупкости окружающего мира. Отсутствии фундамента вызывает постоянное желание его обрести. Легче всего его создать в своем сознании, просто изменив представление об окружающем мире. И тогда появляются уравновешенность, сбалансированность, ощущение внутреннего счастья. Юнь не без оснований считал, что человек, будучи существом, однажды вышедшим из моря, только живя на море, вернее на морской воде, может вернуть себе утраченную гармонию, безопасность и свободу. Возможно, и я стал бы адептом этого мировоззрения, если бы остался там жить. Но философия путешествия привлекала меня больше, чем философия жизни на воде. Путь вел меня дальше – к еще более парадоксальным открытиям и необычным перспективам взгляда на жизнь.

Загадка 7. Когда я был в городах Вьетнама, я не раз задавался вопросом, почему их дома напоминают спичечные коробки, торцом выходящие на улицу и жилой частью утопленные глубоко внутрь двора?

Объяснение этому феномену нашлось, когда я жил в Нячанге у одного бухгалтера. Английского он не знал. Поэтому основным средством коммуникации стал язык цифр и сценического мастерства. Мой вопрос он понял только после того, как мне около часа пришлось махать перед его носом перпендикулярно сложенными руками, изображать из себя фурнитуру и несколько раз выкладывать на столе спичечные коробки. Когда дело

дошло до ответа, он встал со стула, привел меня в свой магазинчик (это была комната, выходящая на улицу) и начал неспешно мерить длину фасада шагами, каждый раз доставая из бумажника по несколько банкнот. Потом замеру стала подвергаться внутренняя часть дома. При этом бумажник больше не участвовал в постановке. Природная сообразительность и театральная смекалка помогли мне понять, что узость фасада родилась не на пустом месте. Налог на недвижимость во Вьетнаме рассчитывается исходя из длины фасада дома, выходящего на улицу. Все же, что упирается вглубь или уходит вверх, – для минфина не имеет никакого фискального значения. Такие вот архитектурная специфика и финансовая хитрость одновременно. Только в результате подобного синтеза в местных домах непросто разобраться в анфиладах комнат и лабиринтах коридоров. Надо сказать, что вьетнамцы не остаются в долгу у государства. И в элемент налогового дизайнера вносят свой коммерческий аспект. Как правило, все помещения, выходящие на улицу, используются местными жителями в качестве торговых точек (в частности, у моего бухгалтера). Может быть, поэтому во Вьетнаме торгуют все. Эффект потрясающий.

Окончание в след. номере

Вячеслав Нургалиев
Фото автора и pixabay

^[12] Очень любопытна сама технология окрашивания зубов. Весь процесс проходит в два этапа: сначала зубы красят в красный цвет, потом – в черный. Красящим веществом на первом этапе служит смесь из листьев банановой пальмы и специальных лекарственных трав. Через две недели начинается второй этап: к зубам прикладывают специально приготовленный порошок, который покрывает зубы как черный лак. Для этого используют различные ингредиенты, сочетающие местные травы с элементами сурьмы и железа.

^[13] Где «тхунг» – корзина, а «чай» – смола.

^[14] Вьетнамская валюта.